

Фабрика мгновенной радости

Просторный, светлый, с огромными окнами в пол цветочный салон «Атмосфера» на Петроградской стороне — полная антитеза вечной петербургской серости

Мария Карпенко |

ЕГО ОСНОВАТЕЛЬ,

признанный профессиональным сообществом одним из лучших российских дизайнеров Максим Лангуев уже двадцать лет противопоставляет цветущие интерьеры мрачному петербургскому экстерьеру.

Сейчас Максим Лангуев — флорист, декоратор и интерьерный дизайнер — оформляет самые стильные вечеринки города: только за последние годы успел поработать с брендами Bvlgari и «Бабочка», ресторанами «Кококо» и «Реп», креативным пространством «Новая Голландия», галереей Марины Гисич и KGallery и даже с H&M. Сервирует самые изысканные обеды: на столах ресторана в ДЛТ благодаря ему вот уже несколько лет появляются композиции из расположенных на зеркалах мхов и камней, белых орхидей и красных ягод, цитрусовых и карликовых апельсиновых деревьев. Красочные, нарочито яркие композиции с взрезанными фруктами, гроздьями ягод и большими черными георгинами в духе голландского «роскошного» натюрморта на 110-летию ДЛТ — его работа. Лаконичный, предельно упрощенный новогодний декор кафе «Рубинштейн» на главной ресторанной улице города — неукрашенные еловые ветки в крафтовых пакетах вдоль окон — тоже его авторства. А начиналось все с крошечного, два на три метра, цветочного магазина по соседству с кафе, интерьер которому придумал Максим. С тех пор флористика и интерьерный дизайн так и шли в его карьере бок о бок.

«Было горько, но я понимал, что так и должно быть»

Максим Лангуев назвал свой магазин «Атмосферой», когда это еще не было мейнстримом — в 1999 году. Атмосфера современного Петербурга с его креативными пространствами, кофейнями, книжными магазинами и дизайнерскими салонами тогда еще только начинала создаваться. Одним из первых центров притяжения как раз и стал двор на Малой Садовой, куда в начале нулевых, заработав первые деньги, из крошечного уголка переехала «Атмосфера». Вскоре двор оживился: рядом, кроме дизайнерской студии Лилии Киселенко, появился магазин «Французские штучки», парикмахерский салон... «Для города это было что-то новое: рождались живые локации, и чтобы приятно провести время, достаточно было приехать в один конкретный двор. Клиенты были общие, все дружили, ходили друг к другу, пили чай — и не только, — рассказывает Максим Лангуев. — Помню, день всегда начинался с того, что все вместе пили кофе на улице, ели печенье „Мечта“, сидели на устроенных нами цветочных клумбах...»

Перестроенный Петербург, где рос Максим Лангуев, был совсем другим — и увлечение цветами, разумеется, тогда не казалось окружающим чем-то серьезным. Детям куда настойчивее, чем сейчас, старались дать «нормальную» профессию. Приучая старшеклассников к труду, свободный от учебы день им предлагали провести — на выбор — работая в магазине одежды, на химическом производстве или на машиностроительном заводе. «Все это было мне совершенно неинтересно. Я пошел и спросил, могу ли сам выбрать место для отработки. Например, в ботаническом саду. Договорился — и правда стал работать каждую неделю в оранжерее. Было душевно и эмоционально, как мне и хотелось. Ботанический сад стал моей первой правильной цветочной школой, а научный сотрудник Галина Мустафина — первым учителем», — рассказывает Максим.

Прежде чем встретить других своих учителей, Максиму Лангуеву пришлось пожертвовать несколькими годами жизни: ради получения «нормальной», как у